

Тахир Малик

ФАЛАК

Повесть

Пер. с узб. - С.Плеханов

Сб. "Фантастика-78". М., "Молодая гвардия", 1978.

1

Низко плывущие над полями тучи то и дело принимались сеять холодным дождем, а когда заляпанная грязью машина въехала на окраину Булакбаши, пошел снег. В белой мгле потонули бурые холмы, лепящиеся по уступу речного берега саманные домики, и только голые ветви деревьев протягивались к дороге из снежной круговерти, как просящие милостыню руки.

Султан не отрывал взгляда от дороги, бежавшей под колеса машины, а сидевший рядом Асад в который раз уже пересказывал историю саркофага:

- Я уже домой собирался, а тут звонок. "Товарищ Муллаев, это из Булакбаши вас беспокоят. У нас какой-то ящик нашли - экскаватор рыл на старом кладбище и вывернул каменную плиту. Подошли посмотреть, а там буквы старинные..."

Плита была опоясана вязью арабских букв. Присев возле находки на корточки, Султан указал на еле заметную полосу, идущую вдоль саркофага:

- Шов замазан. Значит, крышка не сдвинута.

Асад склонился рядом и провел ладонью по шероховатой поверхности саркофага:

- Сколько же ему лет? Похоже, тимуридских времен.

Когда находку очистили от глины, Султан, медленно обойдя саркофаг, перевел опоясывающую его надпись:

- "Мир праху высокоученого Шамсибека, сына Исмаила, убиенного дервишами в ночь лунного затмения восьмого дня месяца хамола 835 года хиджры [1448 г. н.э.]. Аллах рассудит, чья правда... Воздвигнута гробница сия повелением всемудрого, всеблагого Улугбека, сына Шахруха, в тридцать девятый год его правления..."

Через несколько дней в Академии наук Узбекистана состоялось обсуждение булакбашских находок.

- Дорогие коллеги, - сказал Султан Умрзаков. - Мне выпала честь рассказать вам о самом замечательном археологическом открытии нашего времени.

Зал отозвался на эти слова возбужденным гулом.

- В одном из саркофагов, найденных в Булакбаши, обнаружено великолепно сохранившееся тело ученого Шамсибека, погибшего от рук религиозных фанатиков, современника и, судя по некоторым данным, сотрудника великого астронома Улугбека. При погребении труп убитого был погружен в мед, а кроме того, из саркофага был полностью выкачан воздух. В соседнем захоронении найдены останки жены Шамсибека, к тому же в ее гробнице обнаружен уникальный шелковый платок, очень напоминающий современный фалак - обязательную принадлежность приданого невесты. Но если знакомый нам всем фалак представляет собой симметрично расположенную по голубому фону россыпь цветов или цветных кругов, то рисунок платка из саркофага Махфузы сильно напоминает схему движения планет вокруг

Солнца. Об этом говорит, на мой взгляд, то, что в центре этого "фалака" изображено золотое солнце с лучами, а не стилизованный цветок, как на современных фалаках. И предполагаемые "планеты" расположены вокруг этого солнца не симметрично, а так, как изображал их на своей гелиоцентрической модели Коперник. К тому же размеры этих планет относительно друг друга в точности соответствуют нашим сегодняшним представлениям о величине планет солнечной системы...

Профессор Биохимического института Ахмад Закиров говорил о том, что саркофаг Шамсибека являет нам неизвестный прежде способ захоронения в меду... История знает, что тело Александра Македонского, умершего в Вавилоне, было доставлено на родину в особой ванне с медом, но находок, подобных булакбашской, мы еще не встречали. Сразу после вскрытия саркофага мед имел прозрачно-желтый цвет, но уже через несколько минут посерел и кристаллизовался. Внутренности Шамсибека, в том числе и кишечник, с большим искусством были также заполнены медом, так что в нашем распоряжении оказалось совершенно нетленное тело человека, умершего почти шесть веков назад. Анализ меда выявил, что в его состав введен какой-то консервант, пока не поддающийся определению.

Но самое сенсационное сообщение сделал биофизик Джахангир Алиев:

- Присутствующие здесь знают, что в нашем институте уже много лет ведется работа по созданию элалломы - электронного робота, способного "снимать" с клеток коры головного мозга весь мир мыслей и чувств человека. До сегодняшнего дня наша задача представлялась нам узкопрактической помочь криминалистам восстанавливать по "воспоминаниям" погибших картину преступления. Это ограниченное применение элалломы диктовалось причинами физиологического свойства - клетки человеческого мозга начинают распадаться уже через несколько часов после смерти, и восстановить картину жизни погибшего возможно только в том случае, если его мозг будет заморожен после смерти или сохранен еще каким-либо образом... Первые опыты, проведенные нами, позволили узнавать мысли и зрительные образы людей за несколько секунд до их гибели. Элаллома может пока воспринимать только самые яркие, лежащие "на поверхности" мозга впечатления, относящиеся к последним моментам его жизни. Для того чтобы проникнуть дальше, в глубь виденного и осмысленного человеком, нам предстоит проделать еще огромную работу... Мозг Шамсибека сохранился достаточно хорошо, и это дает нам надежду на восстановление если не всех, то самых важных обстоятельств его жизни, наиболее сильно запечатлевшихся в сознании ученого. Нашему электронному мозгу нужно колоссальное количество энергии, которое можно сопоставить лишь с энергией, потребляемой мощнейшими ускорителями элементарных частиц. Успех работы зависит от того, сочтет ли Академия наук возможным отпустить нам на создание совершенной элалломы необходимые средства.

После горячих и долгих споров академия разрешила эксперимент.

Через два месяца новая элаллома была в основном смонтирована. Ее аппаратура помещалась в нескольких залах подвального этажа института. Джахангир Алиев, озаряемый россыпью разноцветных огней, бегавших по пультам управления, сновал из помещения в помещение, везде находя себе дело. Все последние дни перед опытом он спал урывками, а о еде вспоминал только тогда, когда жена напоминала ему об этом по телефону. Лицо ученого осунулось, на лбу прорезались глубокие складки. Друзья говорили ему: "Ты никак готовишься стать следующим объектом экспериментов для элалломы? Плюнь на все и выберись на недельку в горы - отоспись, побездельничай..." Джахангир с улыбкой отмахивался: "Вот закончим с работой - на два месяца уйду в личную жизнь. Тогда клещами меня не вытащите из санатория".

Наконец настал день, когда Алиев смог доложить, что элаллома готова к опыту.

- Вы думаете начать в ближайшее время? - спросил президент академии.

- Мы можем приступить к опыту хоть сейчас. Но без специалиста по истории средневекового Востока не обойтись. Элаллома "снимет" все впечатления и образы сознания Шамсибека в обратном порядке, и воспроизводить их мы будем после записи в ячейках памяти электронного мозга, "прокручивая" в хронологической последовательности. Вот здесь-то и необходим знаток истории мусульманского мира - ведь то, что для Шамсибека было привычной повседневностью, для нас, незнакомых в деталях с условиями тогдашней действительности, может оказаться совершенно непонятным... Я предлагаю, чтобы группу возглавил академик Джамшид Акбаров, могущий скоординировать наши впечатления. А вести дневник эксперимента будет молодой писатель Тулкун Мансуров...

2

К медресе [мусульманское духовное училище] подошел, ведя на поводу лошадь карабаирской породы, молодой человек в новом шелковом халате. Остановившись, он завороченно оглядел здание. Огромное сооружение с четырьмя куполами и двумя минаретами поразило его. Вспомнились слова отца: "Когда минуешь дворец султана, увидишь стоящие друг против друга медресе и ханак [пристанище дервишей]. Их красоте, как говорят мудрые, завидует само небо..." Путнику казалось, что бирюзовые купола медресе сливаются с пронзительной голубизной вечернего неба и что громада здания, покрытая паутиной орнаментов, поддерживает не только эти купола, но и весь небосвод. И чудилось: под его тяжестью напряженно гудит земля. Глазурь на стенах и минаретах пламенела в лучах заходящего солнца...

Юноша направился навстречу вышедшему из медресе статному бородачу в длинном халате, с большой белой чалмой на голове. Почтительно поздоровавшись, путник услышал в ответ сказанное нараспев приветствие и тогда сказал:

- Уважаемый, не сочтите за дерзость, но я хотел бы видеть одного из воспитанников медресе...

- Кого именно?

- Муллу [образованный человек] Абдулвахаба.

- Абдулвахаба?! - Бородач нахмурился и каким-то новым взглядом оглядел юношу с головы до ног. - Кем он вам приходится? Не брат ли?

- Нет, мы просто односельчане. Хочу передать ему весточку от отца.

- Абдулвахаба здесь нет, - сказал мужчина после недолгого размышления.

Молодой человек вопросительно смотрел на него.

- Ваш земляк проявил черную неблагодарность... - нехотя начал бородач. - Он был достоин виселицы, но, благодарение всевышнему, великий султан помиловал его... Учебе он предпочел безделье... Абдулвахаб ушел из медресе.

- Он вернулся домой?

- Вы можете найти его в ханаке.

- Здесь? - Юноша кивнул в сторону ханак, расположенной против медресе.

- Нет, сюда он не заглядывает. Поищите его на окраине...

До вечерней молитвы оставалось еще немного времени, и молодой человек решил прежде всего договориться о месте в караван-сараях. Отправляясь в Самарканд, он рассчитывал на помощь Абдулвахаба: земляк в чужом городе немало подспорье. Теперь же приходилось обходиться своими силами...

Земли их родителей лежали рядом. Но угодья отца Абдулвахаба были в несколько раз больше. На его полях работали многие жители кишлака. А по предгорьям - от Андижана до

Оша - паслись его стада... Шамсибек учился с Абдулвахабом в одной школе; сын бая уже тогда не отличался усердием и сообразительностью. Но тем не менее, повинувшись воле отца, он отправился в столичное медресе. Устроив сына, Байбува вернулся в свой кишлак очень довольным. С тех пор его отпрыска именовали не иначе как "мулла Абдулвахаб"...

Оставив лошадь в конюшне, молодой человек занял одну из верхних комнат. Затем спустился во двор и, умывшись из медного кумгана, отправился на молитву.

Дорогой он разглядывал всех встречных в надежде отыскать знакомое лицо. Но Абдулвахаб не было видно ни на улице, ни в многолюдной мечети.

Прочтя молитву, юноша провел ладонями по лицу и вместе со всеми стал пробираться к выходу. Возле минарета он увидел двух дервишей и направился к ним в надежде разузнать про своего школьного товарища. Он уже открыл рот для приветствия, как один из дервишей воскликнул:

- Шамсибек!

Молодой человек с удивлением узнал в исхудавшем, почерневшем оборванце Абдулвахаб. Кожа на его выпирающих скулах шелушилась, глубоко запавшие глаза лихорадочно блестели...

Обнявшись, земляки отправились в ближайшую чайхану. Абдулвахаб был оживлен: не каждый день удается встретить односельчанина! Шамсибек же был опечален: в этом высохшем дервише почти ничто не напоминало о жизнерадостном и цветущем парне, который шесть лет назад покинул родной кишлак. Усевшись возле хауза [бассейн], приятели некоторое время молчали. Наконец Шамсибек спросил:

- Ты бросил медресе?

- Я отрекся от богопротивного суемудрия, насаждаемого служителями преисподней! - вскричал Абдулвахаб. - Но вера в загробное воздаяние привела меня к пиру [духовный наставник]. Блажен испрашивающий у всевышнего милости для людей - нет дела почетнее, чем вседневное, всечасное служение аллаху!

Чуть заметно улыбнувшись, Шамсибек сделал глоток зеленого чая из пиалы. Затем, глядя прямо в глаза дервишу, прочел:

Ты сам ведь из глины меня изваял! - Что же делать мне?

Меня, словно ткань, ты соткал. - Что же делать мне?

Все зло и добро, что я в мире вершу, ты сам предрешил,

Удел мой ты сам мне на лбу начертил! - Что же делать мне?

Пиала запрыгала в руке Абдулвахаб. В глазах его полыхнул мрачный огонь.

- Побойся аллаха! - громко произнес он. - Моли его: да отпустит он тебе это прегрешение!

Сидящие на соседней суфе [земляное возвышение] с любопытством посмотрели в их сторону.

- О чем ты говоришь? - невозмутимо отвечал Шамсибек. - Это слова Омара Хайяма. Ведь поэт говорит: все, что ни есть в мире, все от бога. В том числе и наши грехи, и наши добрые дела. Какая польза в том, чтобы, предавшись богомолью, отречься навсегда от веселья? Разве не грех губить напрасно свою жизнь?

- Придержи язык! Не следуй наущению служителей ада!

- Пусть это слова чертопокклонника, а праведный путь - это путь духовного совершенствования Ходжи Ахрора. Но как же быть с твоими прежними занятиями? Неужели стяжание знаний - грех?

Абдулвахаб неприязненно взглянул на земляка, но промолчал. Разговор их прервался. Шамсибек посматривал на посетителей чайханы, а дервиш, уставившись в землю, перебирал четки.

Чайханщик принес свежего чаю. Абдулвахаб поднял глаза на земляка:

- Зачем пожаловал в Самарканд?
- По велению его величества султана... А причины этого я и сам не ведаю.
- Придется тебе отправиться в Кухек.
- Что это такое?
- Султан проводит там почти все свое время. По ночам он беседует с чертями...
- Не понимаю.
- Он считает звезды.
- И далеко этот Кухек?
- Рядом.
- Проводишь меня туда?
- Хорошо. Отправимся пораньше.

Утром они встретились возле мечети. Поздоровались довольно холодно. У Абдулвахаба не было лошади, поэтому Шамсибек зашагал с ним рядом, ведя своего карабаира на поводу. По дороге дервишу то и дело подавали - кто кусок лепешки, кто монету. Шамсибек чуть приотстал и следовал за Абдулвахабом, пока не вышли из города. Подойдя к небольшой речке, земляки свернули в придорожную чайхану. Умывшись холодной водой из арыка, они уселись на суфе под сенью ивы. Курносый хромой мальчик в выцветшей тубетейке принес чай и лепешки.

Один из старцев, сидевших на суфе возле арыка, взял в руки тамбур [музыкальный инструмент]. Послышалась протяжная печальная мелодия. Круглолицый мужчина присел рядом и, положив на колено тубетейку, негромко запел:

Кто губам прекрасным улыбку беспечную дал,
Кто в удел скорбящим печаль сердечную дал?
Пусть он нам не дал счастья, - довольно с нас и покоя,
Ибо многим он слезы и муку вечную дал.

Шамсибек заслушался певца, но Абдулвахаб тут же нарушил его сосредоточенность:

- Боже праведный! Мусульмане веселятся, не помня о будущем воздаянии!

Дервиш забубнил что-то непонятное, перебирая четки. Вдруг он пронзительно взглянул на Шамсибека:

- Дух царственного Кусамы [султан; родственник пророка Мухаммада, похороненный в Самарканде] проклял нашего султана!

- Замолчи!

- Нет! Всякий правитель обязан ежегодно посещать могилу святого. А наш владыка нарушил в этом году священный обычай. Он счел унижительным для себя преклонить колени перед царственными останками...

- Откуда ты это взял?

- Наш мухтасиб [лицо, наблюдающее за исполнением религиозных обрядов, предписываемых шариатом] Сайд Ашик молился в мечети, как вдруг среди ясного неба прогремел гром, а над дворцом сверкнула молния. С могилы праведного Кусамы поднялась его тень и, взглянув на мухтасиба, сказала: "Султан Улугбек пренебрегает святыми могилами - он испытывает волю аллаха. Оповести об этом мусульман. До тех пор, пока самаркандцы не смоят кровью этот грех, их будет преследовать рок!..."

В этот миг чья-то мощная рука опустилась на плечо Абдулвахаба. Обернувшись, дервиш увидел перед собой искаженное гневом лицо сипаха [придворный военачальник].

- Ну-ка пойдем со мной. Пусть султан услышит твои новости, - плечистый воин хорошенько тряхнул Абдулвахаба и указал ему на дорогу. Потом взглянул на Шамсибека: - Ты тоже пойдешь.

Абдулвахаб сразу прикусил язык и, втянув голову в плечи, последовал рядом с сипахом.

Сидевшие в чайхане пытались было вступиться: "Грех трогать дервиша!"; "Отпусти слугу аллаха!" Но силач отвечал на это: "Если он настоящий дервиш, то пусть молится за род людской, а не грязнит священное имя".

Стража у ворот дворца беспрепятственно пропустила их - сипах имел, видимо, право свободного входа и выхода. Пройдя через роскошный сад, они оказались перед удивительным сооружением. Это было внушительное здание, окруженное колоннадой, поддерживавшей плоскую крышу террасы. Чуть дальше переливался на солнце прозрачный купол Хрустального дворца. Шамсибек на минуту замер перед колоннадой точно так же, как накануне перед медресе Улугбека. Толкнув его плечом, сипах сказал:

- Это Чилустун [дом с сорока колоннами]. Пошевеливайся.

Пройдя еще немного в глубь сада, сипах передал дервиша и Шамсибека какому-то чиновнику в золотистом халате и на несколько минут исчез. Вернувшись, он повел своих арестантов назад к Чилустуну.

Теперь здесь было много народу. Вся терраса была заполнена богато одетыми вельможами, посреди которых восседал на ковре пожилой человек в голубом халате и с небольшой белой чалмой на голове. Шамсибек ощутил сильный тычок в спину и склонился перед террасой.

Когда юноша вновь поднял голову, он встретился глазами с пронизательным взглядом неброско одетого человека и угадал, что перед ним сам султан...

- Зачем ты привел этих людей, Камариддин? - спросил горбоносый седобородый старец, сидевший ближе всех к Улугбеку.

Сипах поклонился, отступив на шаг, и произнес:

- Почтеннейший, эти псы поносили имя великого султана...

Улугбек пристально посмотрел на дервиша и усмехнулся:

- Ты привел старого знакомца. Только раньше он ходил в одежде слушателя медресе... Ну что ж, он нашел, может быть, свое призвание... Так о чем он говорил?

- Он жаждет крови... - сипах не решился говорить дальше. Но Улугбек и так все понял - это было ясно по его насмешливому взгляду, устремленному на дервиша.

У Шамсибека похолодело внутри. Он ожидал, что султан вот-вот разразится гневом, и даже зажмурился от страха. Но, к своему удивлению, услышал негромкий смех Улугбека.

- Всего лишь? Выходит, ты напрасно побеспокоил божьего человека, султан весело посмотрел на сипаха. - Ну-ка расскажи нам, Абдулвахаб, с какой целью ты надел эту лохматую шапку и рубище.

- Дабы молиться за правоверных и приуготовляться к жизни вечной...

- Благая цель! Но ты забыл, что каждое слово дервиша тотчас достигает престола всевышнего. А значит, за словесный грех тебя постигнет тяжкая кара...

- Да сохранил меня аллах от всякого слова лжи. Заботясь о спокойствии мусульман, я возвещал им изволения царственного духа...

- Оставь мне заботу о подданных аллаха. И скажи, как тебе стали известны веления святого? Ты сам видел его?

- Его видел мой пир.

- Ах, он избрал в собеседники твоего пира! Бьюсь об заклад, что больше никто не видел тень святого... Сам всевышний свидетель - в тот день я молился у могилы Шахи-Зинда... [вечно живой царь (Кусам ибн-Аббас)] Можешь сам выбрать себе наказание...

За дервиша ответил сипах:

- О шахрияр, у нас не найдется такой толстой плети, которая могла бы вылечить безумца.

Улугбек знаком заставил его замолчать и вперил свой взгляд в Абдулвахаб. Дервиш дерзко поднял глаза на султана:

- Моя жизнь принадлежит аллаху. Может быть, он сочтет нужным укоротить ее вашим мечом...

Улугбек с усмешкой покачал головой:

- Я не кровожаден... Мой дед завещал мне: не всякая шея стоит того, чтобы тупить о нее меч султана... Отведи его за ворота, Камариддин. Пусть сам аллах покарает нечестивца...

Камариддин кивнул служителям, и они бросились к дервишу.

Шамсибек торопливо проговорил:

- Почтенный, у меня есть просьба к великому шаху...

- Что такое?

Молодой человек достал из-за пазухи свернутое трубочкой письмо. Увидев печать султана, сипах сейчас же взял письмо из рук Шамсибека и с почтением поднес его Улугбеку.

Пробежав глазами несколько строк, султан поднял глаза на молодого человека:

- Так ты и есть Шамсибек, сын Исмаила-Хаджи?

Вместо ответа юноша еще раз поклонился. Улугбек передал письмо писарю и, облокотившись на подушку, спросил:

- Почему ты сопровождаешь дервиша?

- Мы односельчане, повелитель. К тому же мы вместе учились.

- Ну и выучились. - Улугбек с хитрой усмешкой оглядел окружающих. Один занимается подстрекательством к бунту, а другой обманывает легковерных...

Большие и малые чалмы важно закивали.

- Но, может быть, это чья-то выдумка, что ты умеешь превращать медь в золото? - продолжал султан.

- Нет, покровитель наук... Я действительно могу превращать медь в золото...

- Велики ли те богатства, что ты собрал, обманывая людей?

- Я никогда не использовал свое искусство для обогащения. Если бы ваши слова об обмане были правдой, то мои сокровища превосходили бы казну повелителя вселенной... Но всякий раз, когда я приступал к работе, мой дед, наставивший меня в великом искусстве, читал следующие строки:

Беспечно не пил никогда я чистого вина,

Пока мне чаша бед была не подана.

И хлеб в солонку не макал, пока не насытился

Я сердцем собственным своим, сожженным дочерна.

На губах Улугбека промелькнула добрая улыбка. Поглаживая бороду, он обратился к одному из окружавших его сановников:

- Ваша проницательность, почтенный, достойна похвалы. Мы не ошиблись в этом юноше.

Улугбек дотронулся до плеча Шамсибека и представил молодого человека присутствующим. Обернувшись к сипаху, который стоял в ожидании приказаний, султан сказал:

- Камариддин, ты захватил моего гостя - поручаю его твоим заботам. Своди Шамсибека в баню, дай новую одежду. И после того как он отдохнет, приводи его на вечернюю беседу.

Сипах и его подопечный поклонились и, не смея повернуться к султану спиной, долго шли пятясь.

На этот раз Камариддин повел Шамсибека не к Чилустуну, а в глубину сада. Миновав большой цветник, они вышли к овальной площадке, посреди которой бил фонтан. Косые лучи заходящего солнца, дробясь в струях воды, рассыпались жемчужными брызгами над кустами роз. В стороне от фонтана на устланной коврами суфе сидел Улугбек. Он был погружен в чтение огромного фолианта.

Шамсибек остановился поодаль, не желая мешать султану. Но Камариддин шепнул:

- Шахрияр сам распорядился привести тебя. Иди.

Молодой человек приблизился к суфе и преклонил колени.

Улугбек поднял голову. Теперь он был одет в простой желтый халат и походил скорее на учителя медресе, чем на самодержца.

Шамсибек поцеловал край его халата. Султан молча указал юноше место возле себя и жестом отпустил Камариддина.

- Сегодня ночью Миррих [Марс] начнет приближаться к Земле, - сказал Улугбек. - Я и мои астрономы готовимся к этой встрече. Но, пока звезды не усеяли небо, у меня есть время для более близкого знакомства с тобой.

- Моя жизнь принадлежит вам, повелитель.

- Когда мне донесли о тебе, то сказали, между прочим, что ты заблудший безбожник... Чем вызваны эти слова?

Шамсибек молчал некоторое время. Потом, несмело глядя на султана, сказал:

- Я прочел "Проделки пророков" и "Хитрость лжепророков" и объяснил смысл этих книг некоторым друзьям.

- Ты осквернил святые имена пророков?

- Я по-своему истолковал мысли учителя, и только.

- Ты сказал: учителя... Прошло четыре сотни лет с тех пор, как Абу-Бакир Мухаммед ар-Разий переселился в селенья праведных. Абу-Райхан Беруни изрек о нем немало драгоценных слов... Да, это достойный наставник.

Шамсибек бросил невольный взгляд на книгу, лежавшую перед султаном. Улугбек заметил его любопытство и, улыбнувшись, сказал:

- Это "Канон Масуди" Абу-Райхана. А вот здесь, - он указал на невысокий восьмигранный столик, заваленный книгами и пергаментными свитками, - здесь ты видишь "Аль-Мажистый" Батлимуса... ["Альмагест" Птолемея]

- Ар-Разий - ученый, достойный сразиться на поприще знаний с Батлимусом, Афлатутоном и Аклидусом! [Птолемей, Платон, Евклид] повинуюсь наплыву чувств, воскликнул Шамсибек.

- Ты сказал правду! - похвалил Улугбек, не обратив внимания на то, что молодой человек перебил его. - Похвально, что ты назвал ар-Разия своим учителем. Сам великий Ибн-Сина склонялся перед этим славным именем... Но мало, к сожалению, осталось тех, кто идет по стопам мудрого...

- Зато немало тех, кто ревностно служит астрономии...

Султан пристально посмотрел на юношу. Решив, что произнес нечто неуместное, Шамсибек поднялся со своего места и попросил прощения за дерзость. Улугбек жестом приказал ему сесть.

- По-твоему астрономия ниже математики, химии или медицины? - спросил султан и, видя, что Шамсибек вновь порывается встать, добавил:

- Так вот, звезды и планеты не рассыпаны по небосводу просто так. В их расположении есть какой-то порядок. Какие-то силы действуют между ними, эти силы - Любовь и Вражда... Изменения в положении звезд могут сказать нам, какая из сил в настоящее время господствует в мире... Вражда несет разрушение, раздоры между людьми. Любовь приносит мир человечеству.

Помолчав, он продолжал:

- Думаешь ли ты, что медицина способна удлинить человеческую жизнь?

- Нет, повелитель...

- Так ты считаешь, что учение Ибн-Сины ошибочно?

- Напротив! Учение мудрейшего из врачей - единственный путь к долголетию. Только...

только никто не станет содействовать воплощению его мыслей на деле. И потом - надо победить телесное старение. А мы даже не знаем, с какой стороны приступить к этому.

- Значит, все-таки мысли ученого - красивый воздушный замок?

- Если говорить о возможности их осуществления сегодня же, то правда глаголет устами покровителя мудрых... Я думаю, что долголетия можно достичь, лишь получив ключ к душе человека. Если мы сможем лечить душу, то тело будет жить вечно...

- Но ключ этот в руке всевышнего! - подняв брови, заметил Улугбек.

- Быть может, аллаху угодно будет вручить его нам - да предстательствует за нас в том сам пророк Мухаммед...

- Достойные слова! - одобрил султан. - Твои силы открываются в твоих мыслях... Скажи теперь, каким образом ты превращал медь в золото?

- Я досконально изучил книгу "Тайное тайных", написанную учителем ар-Разием. Но главное раскрыл мне мой дед...

Он на мгновение умолк. Улугбек ободряюще кивнул, и юноша продолжал:

- Для того чтобы получить настоящее золото, необходима кровь человека.

- Кровь? - нахмурился султан.

- Да. Золото, из которого изготовлено посланное вам кольцо, я обработал сухой кровью.

- Где ты взял кровь?

- Это была моя кровь.

- Что же, всякий раз, когда ты делаешь золото, ты используешь собственную кровь?

- Я не так уж часто делаю золото. Учитель писал, что всякий, обращающий знания для наживы, будет наказан в будущей жизни...

В следующий миг послышался голос супи [низший служитель мечети], сзывавшего на вечернюю молитву. Улугбек провел по лицу ладонями и поднялся с места. Молодой человек последовал примеру султана.

Улугбек сделал было несколько шагов в сторону сада, но вдруг остановился и, повернувшись к Шамсибеку, строго сказал:

- С этого дня запрещаю тебе использовать кровь для получения золота. В царствовании Улугбека ни единая капля человеческой крови не должна проливаться ради прихотей сильных. Жизнь того, кто ослушается этого запрета, будет недолгой...

- Слушаюсь, повелитель...

- Завтра можешь отдыхать. А с субботы приступишь к своим обязанностям: рассортируешь, как старший над ювелирами, золото и серебро в казне. Да подбери в городе место, где лучше всего построить больницу...

- О украшение ислама! - склонился Шамсибек. - Ваша милость не знает границ... Прикажите еще зарезать несколько баранов.

- Зачем?

- Мясо надо будет развесить во всех концах города на открытых местах. Больницу лучше строить там, где оно сохранится свежим дольше всего...

- Твой ум достоин похвалы! Проси у меня все что хочешь!

- Мой повелитель, я попрошу только об одном: отпустите меня домой после того, как я справлюсь с вашими поручениями...

- Тебе не нравится в моем дворце? - Лицо Улугбека посуровело.

- Не пристало деревенскому воробью клеветать с золотого блюда.

- Но на сельском поле он может стать добычей коршуна. Я не хочу отпускать тебя от себя. Если ты тоскуешь по родным, то можешь съездить домой и перевезти семью в Самарканд.

Через несколько дней, прочитав в мечети ойби-Ханум утреннюю молитву, Шамсибек и

сопровождаящий его Камариддин отправились в путь.

Вскочив на коня, молодой человек вдруг заметил дервиша, сидевшего на корточках возле запыленной ивы.

- Абдулвахаб! - воскликнул Шамсибек. - Где ты пропадал? Я искал тебя все эти дни. Мы отправляемся домой - поедем с нами!

- Не успел приехать в Самарканд и уже скачешь назад? - вместо ответа спросил дервиш.

- Я еду за семьей и скоро снова вернусь.

- Думаешь, твои старики захотят сниматься с насиженного места?

- Привезу хотя бы жену и сына.

- Я не знал, что ты женат.

- Да, уже третий год. На дочери ювелира Щербека.

Лицо дервиша вдруг потемнело. Он отвернулся и проворчал:

- Поезжайте. Скатертью дорога...

- Абдулвахаб! - удивленно позвал Шамсибек. - Может быть, передать что-нибудь отцу?

- Скажи, что не видел меня, - не оборачиваясь, бросил дервиш.

Только выехав за городские ворота, Шамсибек догадался о причине внезапного гнева Абдулвахаба. Еще перед тем как отправить сына в медресе, Байбува сватал за него Махфузу, дочь Щербека. Но ювелир отказал - он предпочел в зятя своего ученика Шамсибека.

Путники присоединились к большому каравану. Около полусотни верблюдов шли размеренно, словно понимая, что впереди долгий и нелегкий путь. Колокольчики на верблюжьих ошейниках непрерывно позванивали, погонщики протяжно, покрикивали - больше для того, чтобы побороть сон...

- Зачем ты хотел взять с собой этого грязного нищего? - спросил Камариддин.

- Пропадет парень в Самарканде.

- У тебя слишком добрая душа... Наш султан, да продлится его счастливое царствование тысячу лет, по своему добродушию дал слишком большую волю накшбандиям [члены дервишского ордена, основанного суфийским учителем Ходжей Накшбанди]. А они вместо того, чтобы возносить к аллаху благодарственные молитвы за покровителя правоверных, распространяют о нем самые нелепые слухи...

Помолчав, Камариддин добавил:

- Слышал, как султан посадил в лужу мухтасиба?

- Нет.

- Э-э, да об этом говорит весь Самарканд! Месяц назад, в пятницу, его величество пожаловал на молитву в Биби-Ханум. После молитвы мухтасиб при всем народе намекнул, что наш султан отступает от благочестия. Тогда Улугбек поднялся со своего места и направился к мухтасибу. Собравшиеся ожидали, что он прикажет наказать муллу. Но вместо этого султан обратился к мухтасибу: "Это правда, что Ходжа Ахрор сравнивал вас с пророком Мусой?" Сайд Ашик подтвердил это. Тогда султан спросил: "Вы принимаете его уподобление?" - "О нет, - отвечал мухтасиб. - Я недостойн даже лобызать след пророка". - "Теперь скажите мне, - продолжал Улугбек. - Кто более велик - я или древние фараоны?" - "Вы, умиротворивший вселенную!" склонился Сайд Ашик. Султан улыбнулся и сказал: "Всевышний дал наказ Мусе-пророку, чтобы он не величался перед фараоном, а, наоборот, был почитателен с ним. Так почему же тот, кто намного ниже пророка, смеет судить того, кто превосходит фараона?" Мухтасиб готов был сквозь землю провалиться.

Камариддин оказался умным и занятым собеседником. В разговорах с ним Шамсибек не замечал, как проходят дни. Сипах был одним из сильнейших людей Самарканда - мало кому удавалось положить его на лопатки. Глядя на могучую фигуру спутника, Шамсибек думал:

"Если бы он не родился богатырем, то родился бы ученым".

Вечером четвертого дня, когда караван вступил уже на благодатные земли Ферганской долины, путники заметили множество огней в стороне от дороги.

- Кажется, свадьба, - кивнул в сторону огней Камариддин.

- Непохоже, - возразил Шамсибек. - Не вижу большого костра. Мне сдается, в кишлаке что-то стряслось.

- В таком случае давай посмотрим.

Пришпорив коней, они поскакали в направлении селения. По мере приближения к кишлаку все слышней становился разноголосый гомон толпы, собравшейся вокруг костров. Подъехав ближе, путники различили в центре сборища глиняную стенку, а возле нее огромного роста парня в рваном халате и с синяками на лице. Руки и ноги его были связаны. Рядом сидела хрупкая девушка, прикрывавшая лицо косынкой. Чуть поодаль стоял, перебирая четки, чернобородый человек в большой чалме.

Привязав лошадей к дереву, Камариддин и Шамсибек протиснулись сквозь толпу к бородачу. Сипах поздоровался и спросил:

- Уважаемый, что случилось?

Оглядев богато одетых гостей, чернобородый осторожно сказал:

- Кто вы? Я должен знать, с кем говорю.

- По велению султана мы направляемся в Андижан, - ответил Камариддин и достал из-за пазухи грамоту, подписанную Улугбеком. Поцеловав ее, он провел ею по глазам и передал грамоту бородачу.

Тот осторожно принял свиток, также поцеловав и проведя им по глазам. Потом развернул и, увидев подпись султана, низко поклонился:

- Готов служить вам, достопочтенные. Я местный кадий [судья].

Вслед за ним вся толпа склонилась перед гостями.

- Я хочу знать, - повторил свой вопрос Камариддин, - зачем здесь столько людей...

- Народ собрался покарать преступивших закон пророка.

- В чем их обвиняют?

- Девушка, которую вы видите, была помолвлена с джигитом по имени Ахмадбайвачи. Этот нечестивец, - бородач указал на покрытого кровоподтеками гиганта, - вскружил ей голову и сговорился убежать вместе с ней накануне свадьбы. Их схватили и привели ко мне. Я постановил предать их смерти.

В это время в толпе послышался шум, и через минуту к гостям протискался худой седеющий дехканин. Он упал на колени перед Камариддином:

- Выслушай меня, облеченный доверием величайшего из подданных аллаха!

- Говори! - сказал сипах.

- Девушка, которую ты видишь, - моя младшая дочь. Это я виновник ее прегрешения, я заставил ее согласиться на помолвку с Ахмадбайвачи. Прикажи казнить меня, а ее отпустить...

- Так ты не давала согласия выйти замуж за того джигита, о котором говорит твой отец? - обратился сипах к девушке.

Она, вздрагивая от страха, отрицательно покачала головой.

- Кто ты такой? - спросил Камариддин изукрашенного кровоподтеками силача.

Гигант угрюмо молчал, даже не взглянув на вопрошавшего.

- Это местный полван [богатырь], - поспешил объяснить дехканин.

- О, это любопытно, - промолвил сипах и подошел к силачу. - Как тебя зовут?

- Ганимурад, - мрачно ответил тот.

- В Самарканде мало молодцов, которые могут похвастаться победой надо мной, - сказал

Камариддин. - Если ты окажешься в числе тех счастливцев, что смогли припечатать к земле Камариддина, сына Ибрагима, ты будешь жить.

Сипах повернулся к кадию:

- Развяжите его.

Приказание было тотчас же исполнено, и Ганимурад принялся растирать затекшие руки.

- Дайте ему умыться и накормите, - сказал Камариддин. - Я не хочу победы над голодным джигитом...

- Тем временем кадий успел распорядиться о ночлеге для важных гостей и, подобострастно кланяясь, сообщил об этом сипаху. Камариддин благосклонно взглянул на расторопного бородача и сказал:

- Прикажи накормить наших лошадей. Да пусть принесут пояс этому силачу, - он кивнул в сторону Ганимурада.

- Пояс! - крикнул кадий, и из толпы сейчас же протянули несколько поясов.

- Ну держись, парень, - улыбнулся Камариддин, передавая богатырю пояс.

Туго подпоясавшись, молодой человек вышел в середину круга, очищенного толпой для состязания. Камариддин снял свой халат, протянул его Шамсибеку. Освещенные пламенем костра, борцы начали сходиться. Бронзово-красные блики играли на их могучих торсах. По толпе прошел невольный гул восхищения противники явно не уступали друг другу ни в красоте, ни в силе.

Взявшись за пояса, богатыри некоторое время не тревожили один другого и лишь редкими мощными рывками пробовали устойчивость соперника. Наконец Камариддин резко уперся подбородком в плечо Ганимурада и изо всех сил потянул его за пояс к себе. Тот не шелохнулся, словно врос в землю. Борцы быстро пошли по кругу, то и дело пытаясь оторвать друг друга от земли. Противоборство длилось несколько минут. Страсти накалились. В толпе слышались возгласы, подбадривавшие того или другого из противников. Казалось, что состязание кончится вничью. И вдруг - Шамсибек не сразу осознал случившееся - могучее тело Камариддина качнулось в сторону деревенского силача, приподнялось над землей, а в следующее мгновение гигант снова стоял на ногах.

Ганимурад мог бросить соперника на землю, но не сделал этого. Камариддин оценил великодушный жест и дружелюбно обнял молодого человека.

- Только истинный богатырь способен на такой поступок! - сказал сипах.

Затем Камариддин обратился к толпе:

- Люди! Ваши земляки - Ганимурад и эта юная девушка - они ведь так молоды. Простите им их прегрешение! Тем более что они любят друг друга, а юная подруга богатыря была просватана против своей воли... пусть они поженятся.

"Да что там!", "Простить, конечно!", "Правильно вы сказали, уважаемый!" - раздавалось в толпе. Камариддин взглянул на кадия. Тот потупился и развел руками.

Наутро путники двинулись дальше в сторону Андижана. Около полудня Шамсибек и его спутник отделились от каравана и, пришпорив лошадей, поскакали в сторону большого селения, утопавшего в зелени садов.

- Твой Булакбаши - настоящий рай, - заметил сипах. - Теперь я понимаю, почему ты так упирался, когда шахрияр решил оставить тебя в Самарканде.

Ведя коней на поводу, путники прошли узкой улицей к дому Шамсибека. Толкнув низкую дверцу, молодой человек прошел в просторный дворик, затененный виноградными лозами. Первыми, кого он увидел, были годовалый младенец, ползавший возле суфы, и следившая за ним пожилая женщина.

- Мама! - негромко позвал Шамсибек.

Женщина обернулась на его голос и, вскрикнув, бросилась к сыну. Из дверей дома во двор устремились бабушка, тетка, жена Шамсибека.

- Жив, жив, сыночек! - повторяла мать, поглаживая его по плечу. - А мы уж столько слез по тебе пролили.

- Вы, женщины, всегда слишком много плачете, - с улыбкой промолвил Шамсибек и подхватил на руки ребенка. - Сын, ты уже совсем большой! Пора заводить для тебя коня...

Оказалось, что отец Шамсибека уехал на несколько дней по делам в Андижан.

До приезда отца молодой человек никому не говорил о повелении Улугбека переселиться в столицу. Когда Исмаил-Хаджи узнал волю султана, он сказал:

- Аллах милостив к тебе, сынок. Великий Улугбек призывает тебя для служения. Да хранит тебя на всех путях отцовское благословение.

Расстались на развилке дорог на холме. И долго еще стояли отец и мать, глядя, как маленький караван из нескольких повозок и двух всадников медленно тащится по большой торговой дороге, то и дело пропадая в клубах пыли.

Шамсибек и Камариддин договорились заехать за Ганимурадом и его женой. Сипах думал устроить богатыря в личную гвардию султана. Но когда через два дня путники прибыли в знакомый кишлак и остановились перед воротами дома новобрачных, никто не выбежал на шум. Камариддин привстал на стремянах и заглянул через дувал во двор. Там никого не было. Тогда всадники спешились и, привязав коней, вошли во двор.

- Хозяева! - позвал Шамсибек.

За спиной его раздался какой-то шорох. Молодой человек резко обернулся - из-за занавески, закрывавшей вход на женскую половину, вышла жена Ганимурада. Лицо ее было не закрыто, волосы распущены. Шамсибек отвел глаза в сторону. Вдруг женщина вскрикнула и бросилась в угол двора. Через мгновение оттуда раздался безумный хохот.

Шамсибек и Камариддин недоуменно взглянули друг на друга. В это время отворилась другая дверь, и перед гостями появился седобородый старец. Он опирался на толстую палку, на лице его было написано страдание.

- Что с вами, аксакал? - бросился к нему Шамсибек.

- А-а, что я... Вы бы лучше спросили, что с нашим Ганимурадом.

- Что такое? - В один голос спросили Шамсибек и Камариддин.

- Если бы он уехал в тот раз с вами, - старик покачал головой, - наутро после свадьбы на нас напал Ахмадбайвача со своими головорезами. Они кричали, что свадьба незаконна... Ганимурада спасло только заступничество аллаха - другой бы на его месте давно распростился с этим миром... Но он очень плох и уже который день не приходит в себя.

- А что с вами?

- Болит нога... Я не знаю, как все это случилось. Помню только, что упал у порога невесты...

- У порога невесты?! Так они... входили на ее половину?!

Старик молча кивнул и поник головой.

Камариддин выхватил из ножен кривую саблю.

- Где эти шакалы?!

Шамсибек остановил его движением руки:

- Аллах уже осудил их на вечную муку. Да будет орудием его скорого мщения суд султана.

- Ты хорошо сказал! Пусть закон сокрушит этих слуг шайтана!

А вскоре из центра селения раздались гулкие удары барабана, и все население кишлака сбежалось к громадному костру, полыхавшему посреди площади.

Из толпы всадников отделился сипах на горячем жеребце. Грозно посверкивая белками, он обратился лицам, к толпе и указал нагайкой на кучку растрепанных молодых людей, жавшихся

вокруг Ахмадбайвачи. Голос Камариддина гремел:

- Эти нечестивцы посягнули на чужую жену! Какого наказания достойны они?

Толпа заревела:

- Только смерть!

- А что скажет нам муфтий? - спросил сипах.

Представительный старик в чалме шагнул из толпы и сказал:

- Народ говорит правильно. Так велит закон.

- Почему же вы не осудили преступников раньше? Вы, кадий и мулла, - вот кто несет ответственность за то, что злодеи не понесли никакого наказания.

Муфтий не ответил. Тогда к костру пробрался судья и заявил:

- Я вообще не слышал об этом деле.

- Ну так теперь вы о нем знаете. Преступники во всем сознались.

Камариддин повернулся к своим джигитам и зычно провозгласил:

- Именем закона! Преступников казнить! Укрывателям преступления - по пятьдесят плетей!

Толпа одобрительно зашумела.

Маленький караван, состоявший из двух всадников и нескольких арб, на которых разместились скарб Шамсибека, а также ехали его жена с дочерью и Ганимурад, добрался до Самарканда поздним вечером. Свернув в первый попавшийся караван-сарай, усталые путники прочитали вечернюю молитву и сразу же повалились спать.

Утром, оставив Махфузу с сыном и Ганимурада отдыхать после долгой дороги, Шамсибек и сипах отправились в резиденцию султана. Явившись в приемную Хрустального дворца, они попросили дежурного чиновника доложить о себе Улугбеку. К удивлению толпившихся здесь сановников, через несколько минут глашатай выкликнул имена только что прибывших Камариддина и его подопечного.

Первое, что увидел Шамсибек, когда за ним затворились высокие резные двери, был трон. Но, к удивлению молодого человека, он оказался пуст. Султан, одетый, как всегда, просто, стоял в стороне возле небольшого фонтана, окруженный группой молодых людей. Рядом с ними примостился писец, державший на коленях развернутый свиток.

Улугбек кивнул вошедшим и указал им место возле себя. Приблизившись, Шамсибек услышал слова одного из молодых людей, собравшихся возле фонтана.

- Вы говорили, шахрияр, что расскажете о вращении Земли вокруг Солнца. Я правильно понял ваше намерение?

Камариддин наклонился к Шамсибеку и шепнул ему на ухо:

- Этот юноша - один из любимейших учеников султана. Его зовут Мирам Чалаби. Он внук Руми.

Улугбек, улыбаясь, взглянул на задавшего вопрос:

- А не приблизим ли мы свой смертный час, если будем толковать о том, что Земля обращается кругом Солнца? - На минуту он задумался, потом, посерьезнев, продолжал: - Глупцы не поймут нас. Эта мысль может быть воспринята только самыми мудрыми. Так что... - Улугбек повернулся к писцу. - Запишем: "Земля есть центр сотворенного всевышним мира. И хотя у нее не обнаруживается той силы, которая могла бы приводить в движение прочие небесные тела, наука полагает ее сердцем вселенной". Отнеси это каллиграфам. Пусть к вечеру перенесут на пергамент.

Кивнув окружавшим его молодым людям, он отделился от их группы и подошел к Шамсибеку и Камариддину.

- Как прошло путешествие?

- Слава аллаху. Благодаря вашему покровительству мы съездили благополучно. Кроме того,

я привез вам послание от наместника Ферганы, сипах протянул султану свиток.

Развернув письмо, Улугбек пробежал его глазами и сказал Шамсибеку:

- Наместник пишет, что возьмет твоих родителей под свое покровительство.
- Благодарю вас, повелитель.
- Шахрияр, позвольте занять ваше внимание еще на минуту, - обратился Камариддин.
- Я слушаю.
- Мы привезли с собой богатыря...
- Прекрасно. Завтра же устроим состязание в саду.
- Это невозможно, о могущественный.

Улугбек с недоумением посмотрел на сипаха.

- Дело в том, что богатырь ранен.

И Камариддин в немногих словах пересказал историю несчастной женитьбы Ганимурада. Узнав о казни Ахмадбайвачи и его сообщников, султан воскликнул:

- Видит всевышний, я не кровожаден! Но твоей рукой, Камариддин, двигала сама справедливость!

Улугбек два раза хлопнул в ладоши. В то же мгновение из-за шелкового занавеса возникла фигура писаря.

- Созвать лучших лекарей Самарканда! Сегодня после полудня в Чилустуне.

Писарь низко поклонился и исчез.

Султан направился к трону. Усевшись, он со вздохом произнес:

- Сколько же еще бед принесет нам этот недуг?
- О чем вы говорите, шахрияр? - несмело спросил Шамсибек.
- Я говорю о фанатизме, мой мальчик, - печально улыбнувшись, ответил Улугбек.

Султан на минуту как бы забыл о своих посетителях и погрузился в раздумье. Сипах и Шамсибек почтительно молчали, боясь нарушить тишину. Наконец Улугбек поднял глаза на юношу:

- Да, чуть не забыл сказать, мулла Шамсибек. Место для больницы уже выбрано. Так что посоветуйтесь с архитектором и принимайтесь за работу. Во все концы страны отправлены глашатаи - они соберут искуснейших лекарей. Это будет не просто больница, а храм медицинской науки, и слава его разнесется до крайних пределов земли на Западе и Востоке. Для такого дела моя казна всегда открыта. По всем вопросам, связанным с лечебницей, можете являться ко мне в любое время... А завтра вечером вы должны присутствовать на беседе мудрых.

Архитектор - уста [мастер] Хидир - оказался много старше Шамсибека. Он был невысокого роста, но крепкого сложения. На его открытом лице застыло выражение участия и доброты. Одет он был в синий шелковый халат, а на голове у него красовалась небольшая зеленая чалма. Сжав в своих широких крестьянских ладонях руку молодого человека, зодчий сердечно сказал:

- Я очень ждал вашего приезда...

Шамсибек почувствовал себя с уста Хидиром так легко и просто, словно они были знакомы много лет. Поэтому он сразу перешел к делу:

- Где выбрали место для лечебницы?

Архитектор развернул план города и указал кружок на окраине:

- Вот на этом холме. Здесь оказался самый здоровый воздух. Здание будет трехэтажным - так повелел шахрияр.

- Почему именно трехэтажным? - недоумевающе спросил молодой человек.
- Потому что так оно будет выглядеть величественно и украсит столицу.
- Простите, уста Хидир, но с какой целью строится здание?

- Об этом вы должны знать лучше меня. Мне было сказано, что здесь будет лечебница.

- В том-то и дело. Народ будет приходить лечиться, а не для того, чтобы подивиться на высоту больницы. Достаточно и одного этажа.

- Не совсем понимаю вас.

- Вокруг здания обязательно должен быть сад. Кроны деревьев будут укрывать лечебницу от палящих лучей солнца. А в трехэтажном сооружении больные будут страдать от жары больше, чем от своих недугов. К тому же подниматься на третий этаж им будет не так легко, как здоровым.

- Мудрые слова, - кивнул зодчий. - Надо будет доложить об этом султану. Его величество сам будет утверждать проект...

Солнце уже садилось, когда Шамсибек явился на беседу в Чилустун. На террасе собралось около двух десятков людей всех возрастов. На коврах были постелены скатерти, поставлены яства. Возле восьмигранного столика, заваленного фолиантами, примостился писарь.

- А вот и наш юный алхимик! - улыбнулся султан, увидев Шамсибека. Кажется, все в сборе?

Молодой человек, которого Шамсибек видел в прошлый раз во дворце, указал ему место возле себя и, когда юноша опустился на ковер, представился:

- Я Махмуд ибн Махмуд по прозвищу Мирам Чалаби.

- Вы внук Казизаде Руми? - вежливо спросил Шамсибек. - Мне говорили о вас.

Мирам сдержанно кивнул и устремил взгляд в сторону Улугбека, который кого-то искал глазами.

- Не хватает еще одного, - сказал султан. - Где мой сын Алладин Али Кушчи?

- Я здесь, мой повелитель! - раздалось из зарослей роз, и на повороте тропинки, ведущей к обсерватории, появился высокого роста смуглый мужчина в простом одеянии, похожий скорее на ремесленника, чем на ученого.

Али Кушчи торопливо приблизился к террасе и, тяжело дыша от быстрой ходьбы, поклонился Улугбеку.

Султан указал ему место рядом с собой. Теперь Шамсибек получил возможность ближе рассмотреть счастливец, которого повелитель нарек своим сыном.

Улугбек обвел собравшихся взглядом и сказал:

- Вот уже шесть лет, как патриарх мудрейших, Афлатун наших дней Салахиддин Муса Казизаде Руми переступил порог рая. После его смерти, а также после кончины Гиясиддина Жамшида мы сильно обеднели. Для того чтобы восполнить уход многомудрых учителей, я решил следующее... - султан на минуту умолк, как бы собираясь с мыслями. - Я решил основать в Самарканде Байтул-хикма [академия]. Если в ней объединятся силы всех ученых и мудрецов, которые будут освобождены от забот по добыванию хлеба насущного, то науки и искусства процветут в Мавераннахре так, как ни в одной державе прошлого и настоящего.

По террасе прошел одобрителный гул.

- Наша земля освящена великими именами, - продолжал султан. - Это Абу-наسر Фараби, аль Хорезми, аль Беруни, Ибн-Сина. В годы правления ханов, которые желали счастья только самим себе, эти люди были чужаками на родной земле. Свой долг я вижу в том, чтобы сделать Самарканд отечеством всех ученых, а не только тех, кто родился на этой земле. Сюда будут съезжаться лучшие умы со всего света...

Одно из первых занятий академии Улугбека было решено провести в обсерватории. Много наслышанный об этом чуде Самарканда, Шамсибек с волнением подходил к трехэтажному зданию, возвышавшемуся над деревьями дворцового сада. Возле входа ему встретился уста Хидир.

- Вот и славно, что вы пришли раньше, назначенного часа, - сказал архитектор. - Я успею

поводить вас по обсерватории.

Когда они поднимались по широким мраморным ступеням, зодчий без умолку расхваливал достоинства этого уникального сооружения, которое возводилось, конечно, под его руководством.

- Представьте себе - это здание нисколько не пострадает даже при самом сильном землетрясении...

На каждом этаже было по несколько десятков комнат, а посередине располагались залы для собраний. На стенах были изображены все созвездия видимого из обсерватории неба. А на центральном плафоне верхнего этажа Шамсибек увидел изображение солнца и семи планет, располагавшихся вокруг него.

- Давайте выйдем на террасу и полюбуемся видом города, - предложил уста Хидир...

Время шло. К началу зимы фундамент лечебницы был готов, и каменщики приступили к возведению стен. Каждый день, возвращаясь со своей основной службы в казне, Шамсибек заглядывал на строительную площадку. Поговорив с уста Хидиром, который бесменно руководил работами, молодой человек заворачивал, к Камариддину - у него на время выздоровления поселился Ганимурад. Богатырь почти совсем поправился и довольно быстро передвигался по двору на костылях. Но, когда наступила чилля [период самых сильных холодов], Ганимурад опять слег - на ноге его образовалась опухоль. Осмотрев посиневшую лодыжку силача, Шамсибек сказал:

- Нужно приготовить мазь. Завтра я пришлю вам ее. К тому же ногу необходимо оберегать от холода.

Когда гость направился к воротам, провожавший его сипах спросил:

- Что-нибудь серьезное? Увидев опухоль, ты изменился в лице.

- Это гангрена.

- А как ее лечить?

- Боюсь, что никак. Надо отрезать ногу.

- Да смилостивится над ним аллах! Такие богатыри, как Ганимурад, великая редкость. Какое несчастье, что именно ему выпало испытать горькую чашу!

Друзья помолчали, горестно повесив головы.

- Кстати, - вспомнил Камариддин. - Я встретил твоего землячка.

- Абдулвахаба?!

- Да, именно этого бездельника...

Прядя домой, Шамсибек был невесел. Махфуза подошла к мужу и ласково спросила:

- Что омрачает ваше лицо?

- С Ганимурадом опять худо. Бедняга, видимо, останется безногим калекой.

- Плохая новость, - поникла Махфуза. - А я хотела порадовать вас...

- Что такое?

Не говоря ни слова, Махфуза вышла из комнаты. Через минуту она возвратилась с голубым шелковым платком в руках и развернула его перед мужем. Шамсибек увидел вышитое в центре его золотое солнце, вокруг которого располагались семь разноцветных планет.

- Ты сама вышила это?

- Да. На меня ваш рассказ о росписях обсерватории произвел такое сильное впечатление, что я решила вышить их на платке.

- Как ты назовешь этот узор?

- Фалак [небо].

- Я покажу султану, - с этими словами Шамсибек бережно свернул платок.

Махфуза несмело взглянула на мужа:

- У меня тоже есть неприятное известие...
  - Слушаю, - Шамсибек нахмурился.
  - По нашей улице все время шатается Абдулвахаб с ватагой каких-то оборванцев.
  - Это накшбандии.
  - Они ведут себя вызывающе - выкрикивают угрозы каким-то грешникам, которые предались в руки шайтанов. Когда я слышу их дикие вопли, мне делается страшно...
  - Ничего, - успокоил ее Шамсибек. - Бездельникам просто нечем заняться.
  - Не затаил ли Абдулвахаб злобу на вас?
  - Ему надо бы злиться прежде всего на самого себя.
- После одной из бесед в академии Шамсибек подошел к султану.
- Повелитель, позвольте похитить у вас минуту вашего драгоценного досуга?
  - Я слушаю тебя, мой юный алхимик.
  - Наш Ганимурад, о котором вы так много наслышаны, стал поправляться. Все шло как нельзя лучше, но вот теперь внезапно у него началась гангрена.
  - Какое несчастье! - покачал головой Улугбек.
  - Я задумал изготовить для него лекарство, шахрияр. Но для того чтобы мой замысел удался, мне нужно кое о чем узнать у вас...
  - Спрашивай все что угодно.
  - На одной из ваших лекций, о ведающий пути светил, вы говорили, что если бы Луны не было, то ход жизни на Земле был бы совсем другим, и силы, действующие на нас, совершенно изменились бы.
  - Ты говоришь сущую правду.
  - Я подумал, мой повелитель, что во время затмения Луны ее сила исчезает и что свойства веществ изменяются на это время. Животные, например, чувствуют какие-то перемены в мире, которых не ощущает человек, - собаки начинают лаять как бешеные, ослы ревут, кони ржут в своих конюшнях. Сама природа в дни затмений сходит с ума - на морях бушуют ветры, по земле прокатываются бури и ливни...
  - Что ж, твои соображения заслуживают внимания.
  - И я решил, о шахрияр, изготовить лекарство для Ганимурада во время лунного затмения, в момент, когда свойства веществ изменяются. Может быть, это снадобье принесет излечение нашему богатырю... Но для этого мне хотелось бы знать, скоро ли будет такое затмение, - ведь вы говорили, что можете предсказывать их сроки.
  - Да, мой пытливый ювелир, на твое счастье, затмение должно быть совсем скоро - в восьмой день хамола [первый месяц мусульманского нового года, начинающегося 22 марта]. Я объявлю об этом Самарканду. Весь народ будет молиться в мечетях о даровании победы свету над тьмой. И ты тоже должен будешь присутствовать на молебне. Иначе тебя сочтут еретиком.
  - О украшенный премудростью, неужели аллах не вернет нам Луну, если я буду отсутствовать на молитве? Я думаю, ему угодно будет помочь излечению невинно пострадавшего.
- Улугбек тонко улыбнулся и промолвил:
- Я ничего не слышал... У тебя все?
  - Нет, повелитель. Я хочу показать вам вот это, - Шамсибек достал из сумки платок, вышитый Махфузой, и развернул его.
- Улугбек издал удивленный возглас и спросил:
- Кто сделал это?
  - Платок вышила моя жена.
  - Но откуда ей известны вещи, доступные лишь разумению мудрых?

- Я рассказал ей о росписи в вашей обсерватории, шахрияр. И она с моих слов представила себе все точно так, как оно есть на самом деле.

Султан на минуту задумался. Вдруг лицо его осветилось:

- Мне пришла в голову одна мысль. Я постановлю, чтобы всякая невеста приносила с собой в дом жениха такой платок... Как он, кстати, называется?

- Фалак.

- Вот-вот. Чтобы каждая девушка, собирающаяся замуж, имела такой фалак. Иначе же людей не заставишь покупать эти платки, я не говорю уже о картах звездного неба или схемах движения планет. Ничего не нужно объяснять на первых порах, ибо нас могут обвинить в связи с шайтаном. Представления о Солнце как центре мира медленно, постепенно закрепятся в сознании народа ведь каждый день, глядя на висящий на стене фалак, человек незаметно для себя усвоит то, что добыто нами научным путем. И только тогда он сможет принять и объяснения ученых... Предоставляю тебе исключительное право на изготовление фалаков. Пусть твоя жена присмотрит несколько хороших мастериц и заведет мастерскую. Это, думаю, и поможет вам поправить свои денежные дела...

Шамсибек поклонился.

Настал вечер восьмого дня месяца хамола. За несколько часов до начала затмения Шамсибек приготовил на столике посреди двора различные травы и снадобья. Все это он собирался растереть в ступке и смешать в тот момент, когда тень Земли закроет ночное светило...

Подул легкий ветерок. Край лунного диска, сиявшего в безоблачном вечернем небе, вдруг заалел, словно прикоснулся к горящим углям. Шамсибек немедленно подкинул дров в костер, разведенный рядом со столиком, и сунул в огонь медный сосуд с настоем из трав. А когда красный цвет залил половину Луны, юноша сложил в ступку различные снадобья - в их числе мумие, воск, жженные перья орла - и приготовился истолочь все это, как только наступит полное затмение.

А над городом нарастал невыносимый гвалт: овцы блеяли в загонах, собаки истошно лаяли, а люди - те, кто не смог по немощи отправиться в мечеть, изо всех сил колотили у себя во дворах по металлическим тазам и выкрикивали заклинания, чтобы отпугнуть шайтана, покусившегося на Луну.

Среди этого грохота Шамсибек не услышал, как отворились ворота и в его двор хлынула толпа дервишей. Молодой человек только что взял тяжелый пестик, чтобы истолочь приготовленную смесь. В этот момент кто-то бросился на него сзади и вырвал пестик из руки. Обернувшись, ученый увидел искаженные гневом лица оборванцев. Один из них, закружившись на месте, дико завизжал:

- Правоверные! Этот сын ада хочет вызвать светопреставление! Он в сговоре с самим шайтаном и заклинает нечистую силу!

Из толпы выдвинулся высокий дервиш. Шамсибек тотчас узнал в нем односельчанина. Абдулвахаб взмахнул над головой тяжелой дубиной и крикнул:

- Божьи люди! Не допустим свершиться злему делу! Только уничтожив слугителя присподней, вы спасете светило...

Страшный удар опустился на голову Шамсибека. Последнее, что он увидел, был огромный шар Луны...

3

Стояла поздняя осень. Но дождей было мало; часто выдавались ясные прохладные дни, и тогда из окна санатория видны были во всех подробностях горные цепи Памира.

Джахангир Алиев подолгу бродил по окрестностям, играл в теннис и... ничего не читал. Это

последнее требование главного врача санатория было самым категорическим. После всех треволнений последних месяцев, после эксперимента и связанного с ним вживления проводов в мозг ученому необходимо было несколько недель не давать себе никакой интеллектуальной нагрузки. Именно поэтому врач полностью запретил Джахангиру принимать посетителей, а также дал указание отправлять назад адресованные ему письма.

И все-таки в один из таких прозрачных холодных дней к Алиеву явился гость. Несмотря на бдительность персонала, в номер к ученому пробрался Тулкун Мансуров. Увидев его, Джахангир радостно вскочил с кресла. Друзья обнялись и прошли к окну.

- Да здесь прямо рай, - сказал писатель, обозрев открывшийся перед ним пейзаж.

- Сомневаюсь, чтобы в раю могло быть так скучно, - улыбнулся Алиев. Даже газет не дают. Совсем одичаю к исходу месяца.

- Когда вернешься в Ташкент, устроим для тебя лекцию: что случилось на белом свете за время твоего отсутствия.

- Ты надолго? - спросил Джахангир. - Может быть, сбежим на пару дней в горы? Я познакомился с чабанами. Можно будет пожить у них, если, конечно, они еще не спустились со стадом в долину.

- Нет, дорогой. Пробуду только до вечера. Ведь я у тебя проездом - меня ждут в Оше.

Разговор перешел на другие темы, и незаметно друзья вернулись к событиям, происшедшим в ночь лунного затмения, когда Шамсибек упал, сраженный рукой фанатика.

- Знаешь, Тулкун, у меня иногда болит голова в том месте, куда пришелся удар, - сказал Джахангир.

- Да и я, признаться, постоянно путаю свои воспоминания с воспоминаниями Шамсибека. Даже решил как-нибудь приготовить мазь, которую не удалось сделать ему. Может быть, она действительно будет обладать чудодейственными свойствами?

- Ну это ты зря. Понятно, что Шамсибек разделял заблуждения своего времени, - достаточно вспомнить, что он всерьез верил в целебные свойства жженных перьев. Но тебе-то должно быть ясно, что многие его представления были антинаучны.

- Может быть, здесь ты и прав - я не ученый и спорить с тобой не буду. Но скажи тогда, как быть с превращением меди в золото? Все научные авторитеты в один голос заявляют, что эта затея с сухой кровью какая-то чепуха... Но ведь юноша не стал бы лгать султану, мы-то с тобой знаем, насколько он был честен...

- К сожалению, ударом был поврежден именно тот участок мозга, который ведает трудовыми навыками человека, - это, так сказать, "технологический отдел". Потому-то мы и не смогли узнать многое из секретов ученого. А в разговоре с султаном, в котором "принимали участие" и мы с тобой, он, по сути дела, не открыл никаких подробностей. Я подозреваю, что Шамсибеку каким-то образом удавалось изменять атомный вес меди. Хотя это не под силу и современной науке. Остается предположить, что где-то в Булакбаши у него было нечто вроде термоядерного реактора... Надо провести серьезные раскопки.

- Но техника того времени - и... реактор?!

- Согласен. Но я просто не нахожу других объяснений всему этому... Может быть, дед Шамсибека был наследником тайных знаний халдеев?

- Выходит, наш эксперимент принес мало пользы науке?

- Ты, я вижу, подразумеваешь под наукой только химию, физику или медицину. Но ты забыл об истории. Ведь мы знаем теперь, что Улугбеку за много лет до Коперника была известна схема движения планет вокруг Солнца. Однако султан не мог открыть своих знаний в эпоху, когда кругом царил дикий религиозный фанатизм. Со смертью Улугбека мусульманская реакция погасила светильники знания, зажженные просвещенным правителем. Мы знаем о той

нетерпимости к занятиям наукой, которая создавалась такими духовными вождями, как Ходжа Ахрор. Ведь султан пал жертвой фанатиков на следующий год после Шамсибека... Слабые всходы просвещения были затоптаны, и одним из немногих свидетельств происшедшего оказались современные фалаки. Но это можно было понять лишь из названия - за много веков вышивка фалака претерпела такие изменения, что мы ни за что не узнали бы в сегодняшнем узоре из цветов модель солнечной системы, некогда украшавшую обсерваторию Улугбека.

- Ты прав, - согласился писатель.

- А кроме того, не забывай, Тулкун, что в нашем научном отчете немало такого, что не вошло в твой дневник путешествия во времени...